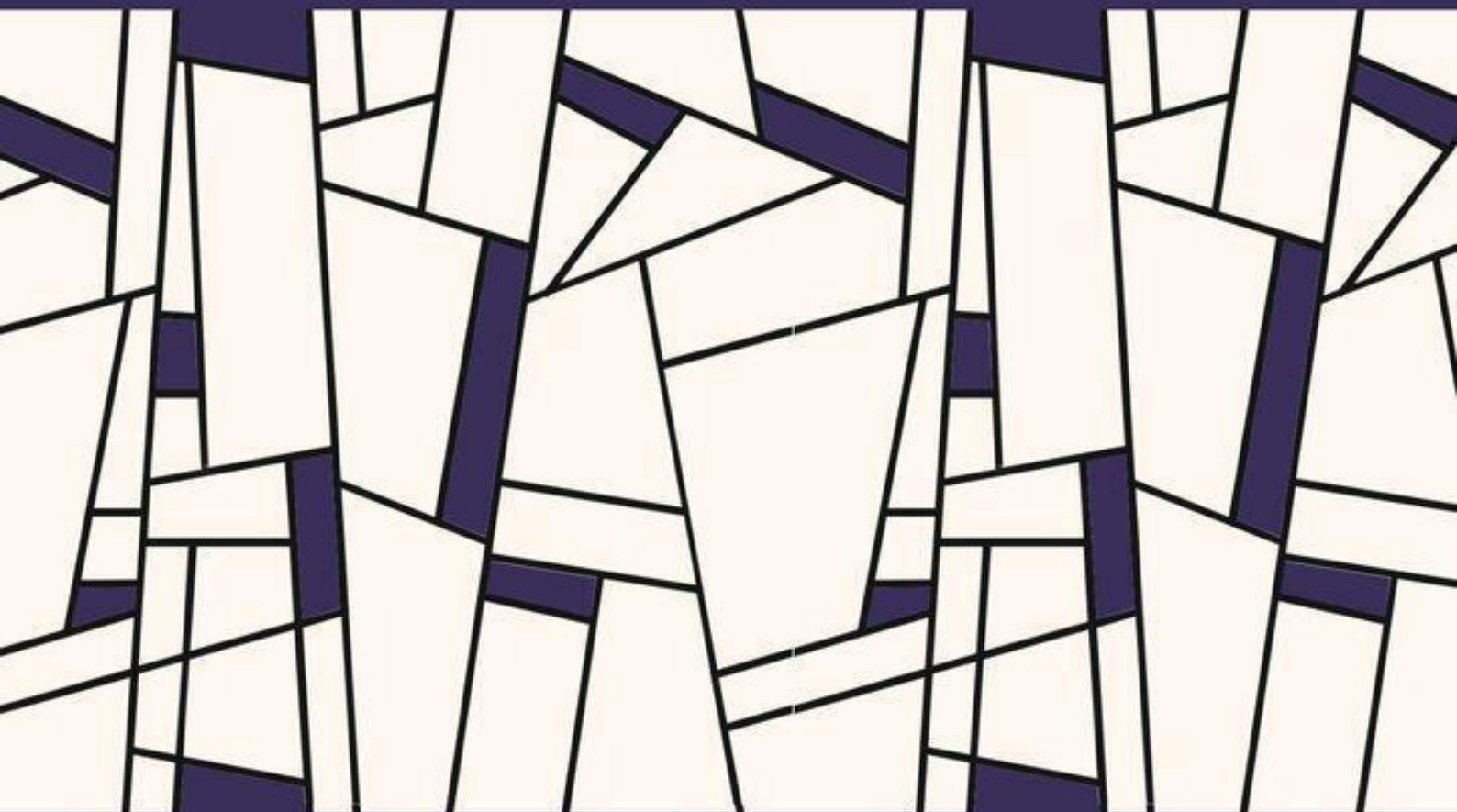

18+

Михаил Мясников

«ХОЛОДНЫЙ
МРАМОР
И ЗОЛОТЫЕ
СЕРДЦА»

Михаил Мясников

**Холодный мрамор
и золотые сердца**

«Издательские решения»

Мясников М.

Холодный мрамор и золотые сердца / М. Мясников —
«Издательские решения»,

Эвелин Харпер — чужая в мире шелка, родословных и баснословных счетов. Получив грант на обучение в элитной школе «Блэквуд», она становится мишенью для насмешек: её одежда не от кутюр, а происхождение не позволяет претендовать на место в высшем обществе. Но всё меняется в тот день, когда над ней издевается «королева» школы, а трое самых завидных парней Англии решают вмешаться.

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Холодный мрамор и золотые сердца

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-5466-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Эвелин Харпер ненавидела химию. Не сам предмет — формулы и реакции всегда давались ей на удивление легко, словно её мозг был создан для того, чтобы разгадывать тайны атомов. Она ненавидела атмосферу в кабинете мистера Хоторна. Здесь, под высокими сводами старинного здания, где пахло мелом и реактивами, социальное неравенство школы «Блэквуд» ощущалось острее всего.

Эви сидела за лабораторным столом в самом дальнем углу, намеренно выбрав место подальше от «элиты». Она разложила перед собой потрепанный учебник, тетрадь в простой клетку и дешёвую ручку. Напротив неё, за соседним столом, расположилась Виктория Леннокс со своей свитой. Их стол сиял. Идеально ровные стопки тетрадей с золотым тиснением, ручки «Монблан», планшеты последней модели. Эви невольно коснулась пальцем заусенца на большем пальце — след от вчерашней уборки, когда она помогала маме мыть полы в клинике.

— Мисс Харпер, — голос мистера Хоторна, сухой и скрипучий, как осенний лист, заставил её вздрогнуть. — Я вижу, вы снова решили изучать структуру бензольного кольца в одиночестве. У нас сегодня практическая работа в парах. Я разбил класс на команды.

По классу прокатился смешок. Эви почувствовала, как щеки начинают гореть. — Сэр, я... я справлюсь сама, — начала она, но учитель уже отвернулся к доске. — Нет, мисс Харпер. В науке важна коллаборация. Вы будете работать с... — он пробежал глазами по списку, — ...мистером Кроссом.

Себастьян Кросс, сидевший в центре класса в окружении своих товарищей по команде по регби, лениво поднял голову от телефона. Его взгляд скользнул по Эви, задержался на её старом свитере с чуть растянутыми манжетами и вернулся к экрану смартфона. — Отлично, сэр, — протянул он с той интонацией, которая могла означать что угодно: от искреннего энтузиазма до смертной скуки.

Эви сглотнула комок в горле и начала собирать свои вещи. Перемещение из угла в центр класса под перекрестным огнем взглядов ощущалось как публичная казнь. Она чувствовала на себе липкие взгляды Виктории, которая уже что-то шептала на ухо своей соседке, прикрывая рот ладонью.

Когда Эви подошла к столу Себастьяна, он даже не сдвинулся, чтобы освободить ей место на скамье. Ей пришлось стоять рядом, чувствуя себя просительницей у трона короля. — Привет, — тихо сказала она, опуская сумку на пол. Себастьян посмотрел на неё снизу вверх. В его глазах не было ни насмешки, ни презрения — лишь холодное любопытство. — Привет. Ты ведь та самая... гранти? — он произнес это слово без злобы, просто констатируя факт. Эви выпрямила спину. Её внутренняя сила, закаленная годами насмешек, подняла голову. — Меня зовут Эвелин. И да, я учусь здесь по гранту. Это что-то меняет?

Себастьян хмыкнул и откинулся на спинку стула. Он был огромен по сравнению с ней, его плечи занимали половину пространства стола. — Нет. Абсолютно ничего. Просто ты единственная в школе, кто носит вещи из благотворительного магазина с таким видом, будто это «Шанель». Это... забавно.

Эви вспыхнула от гнева и обиды одновременно. — Я не просила твоего мнения о моей одежде. — А я его и не высказывал. Я просто заметил факт. Ты злишься? Почему? Потому что я сказал правду?

В этот момент к их столу подошли двое. Эви узнала их мгновенно: Лео Фитцджеральд и Александр Ван Кройц. Лео держал в руках планшет с какими-то сложными графиками, а Алекс просто стоял, засунув руки в карманы идеально скроенных брюк, и наблюдал за сценой с отстраненным интересом аристократа на скачках.

— Проблемы? — голос Алекса был низким и бархатным, но в нём звенел металл. Себастьян закатил глаза: — Нет, Алекс. Мы тут обсуждаем благотворительность и моду.

Лео, не обращая внимания на пикировку друзей, перевел взгляд на Эви. Его глаза за стеклами очков казались огромными и очень внимательными. — Вы Эвелин Харпер? С курса углубленной физики? Я видел ваши расчеты по квантовой механике в журнале работ. Там была ошибка в третьей строке формулы Дирака.

Эви опешила. Никто никогда не обсуждал её работы так... прямо. — Да, я... я знаю. Я перепутала спиновый оператор. Исправила позже, но не успела отправить новую версию до дедлайна журнала.

Лео улыбнулся — впервые за всё время она увидела на его лице искреннюю эмоцию. — Это была интересная ошибка. Она привела к парадоксальному выводу о туннелировании частиц. Я даже сохранил твои черновики для вдохновения. У тебя нестандартное мышление.

В этот момент Эви забыла о том, что стоит посреди класса как на витрине. Забыл об этом и Себастьян, удивленно глядя на своего друга-гения. Алекс же лишь слегка изогнул бровь, словно эта информация о «гранти» была для него неожиданным открытием.

Атмосфера изменилась. Напряжение спало, уступив место чему-то другому — странному чувству общности этих четырех человек у одного стола.

— Так что там с бензолом? — Себастьян хлопнул ладонью по столу, возвращая всех к реальности урока. Он подвинулся, наконец освобождая место для Эви. — Садись уже. Нам нужно смешать серную кислоту с чем-то там... Хоторн убьет нас, если мы взорвем колбу из-за твоей медлительности.

Эви села рядом с ним, чувствуя тепло его тела через тонкую ткань рубашки (которая явно стоила больше всей её школьной формы). Алекс придвинул свой стул ближе к Лео, замыкая круг вокруг их стола. Они оказались отрезаны от остального класса невидимой стеной.

Лео начал быстро объяснять ход эксперимента, чертя схемы прямо на полях тетради Эви своей дорогой ручкой (она даже не знала таких марок). Себастьян следил за показаниями весов с точностью хирурга, хотя все привыкли считать его лишь грубой силой. А Алекс... Алекс просто сидел рядом, и его присутствие ощущалось физически. Он не говорил о химии. Он смотрел на то, как Себастьян аккуратно переливает реактивы, как Лео поправляет очки трясу-щимися от волнения пальцами (он всегда волновался перед практикой), и как Эви записывает наблюдения четким каллиграфическим почерком.

Когда прозвенел звонок, знаменуя конец урока, они остались сидеть еще минуту. Никто не спешил уходить. Виктория проплыла мимо их стола, бросив на Эви взгляд, полный такой концентрированной ненависти и зависти, что им можно было бы травить крыс.

Эви начала собирать свои вещи обратно в сумку — старую, потертую сумку из кожзама. — Подожди секунду, — голос Алекса заставил её замереть. Он достал из внутреннего кармана пиджака тонкий кожаный бумажник и извлек оттуда визитную карточку своего личного ассистента или юриста — Эви не успела разглядеть. — Завтра у тебя физкультура после обеда?

К четырем часам дня, когда уроки в «Блэквуде» давно закончились, Эвелин уже стояла на пороге своего дома. Это был небольшой таунхаус в ряду точно таких же кирпичных домов, с крошечным палисадником, где её отец, Джеймс Харпер, с маниакальным упорством пытался вырастить розы. Сейчас, в конце октября, они выглядели жалко, но отец всё равно укутывал их на зиму старыми одеялами.

Эви толкнула входную дверь. В нос тут же ударил самый лучший запах на свете — запах жареного лука и чего-то мясного. Её желудок предательски заурчал. В школе на обед подавали пресную куриную грудку и водянистые овощи, а здесь, дома, всегда была настоящая еда.

— Мам? Пап? Я пришла! — крикнула она, сбрасывая тяжелые ботинки.

Из кухни выглянула Сара Харпер. Её лицо, обычно бледное от усталости после ночных смен в больнице, осветилось улыбкой. На ней был старый фартук в мелкий цветочек, а в руках

она держала деревянную ложку, с которой капал густой соус. — Эви! Детка! Как прошел день? Снимай эту жуткую форму, я положу тебе двойную порцию. У нас сегодня рагу.

Эви улыбнулась в ответ и крепко обняла мать. От Сары пахло домом, корицей и лекарствами — этот запах Эви любила больше любых французских духов. — День был... странный, мам. Но рагу — это божественно.

Она прошла на кухню, где за столом уже сидел её отец. Джеймс Харпер был крупным мужчиной с руками, которые привыкли к тяжелому труду. На его щеке темнело пятно машинного масла — видимо, чинил что-то из старых машин в гараже после работы. Он отложил в сторону газету «Дейли Миррор» и широко улыбнулся дочери. — Привет, принцесса. Как там твои аристократы? Не задирают нос?

Эви закатила глаза и села напротив него. Отец всегда называл учеников «Блэквуда» «аристократами», хотя среди них не было ни одного настоящего лорда. — Пап, ну какие аристократы? Просто... богатые дети. Сегодня на химии нас посадили вместе с Себастьяном Кроссом.

Отец хмыкнул и подвинул к ней корзинку с хлебом. — Это тот здоровяк? Футболист? Видел его по телеку. Бьет по мячу так, что искры летят. Надеюсь, он не распускает руки?

— Пап! — Эви рассмеялась, чувствуя, как краснеет. — Он не распускает руки. Он... молчаливый.

Сара поставила перед каждым по глубокой тарелке с дымящимся рагу. — Молчаливый — это хорошо. Болтуны хуже всего. А кто ещё был?

Эви помешала ложкой густую подливу. Она не знала, как рассказать родителям о том, что произошло на уроке и после него. О том, как Лео похвалил её ошибку в расчетах, или о том, как Алекс предложил ей новую форму. Это казалось чем-то из другой вселенной. — Ещё Лео Фитцджеральд и Александр Ван Кройц.

Отец присвистнул: — Ван Кройц? Серьезно? Это же те самые банкиры? У них денег больше, чем у всей нашей улицы за сто лет.

— Папа! — Эви укоризненно посмотрела на него. — Ты же знаешь, я не из-за этого...

— Я знаю, дочка, знаю, — он потрепал её по руке своей огромной ладонью. — Я просто удивляюсь. Три самых завидных парня школы обратили внимание на мою девочку. Гордость берет.

Эви опустила глаза в тарелку. Гордость — это последнее, что она чувствовала. Она чувствовала себя самозванкой. — Они просто... помогли мне с опытом. И всё.

Сара села рядом и накрыла своей ладонью руку дочери. — Послушай меня внимательно, Эвелин Джейн Харпер. Я знаю этот взгляд. Ты думаешь, что не заслуживаешь этого внимания? Что ты им не ровня?

Эви кивнула, не поднимая глаз. — Ты помнишь, что я тебе всегда говорила? Красота — это не платье от кутюр или дорогая сумка. Красота — это то, как ты держишь спину прямо, когда весь мир пытается тебя согнуть. Это твой ум и твоя доброта. У тебя есть то, чего нет у этих богатых девочек — стержень. Они это видят.

Джеймс кивнул, соглашаясь с женой: — Твоя мама права. И потом... Ты видела их лица? Особенно этого Алекса? Он смотрит на тебя так, будто ты загадка века. А этот умник Лео? Он же гений! Для таких людей статус — это скучно. Им нужна пища для ума и души.

Эви наконец подняла голову и посмотрела на родителей. Её отец в своей старой фланелевой рубашке и мать в домашнем платье были для неё самыми красивыми людьми на свете. — А если я всё испорчу? Если я выберу не того? Или... если они просто играют со мной?

Сара сжала её руку крепче: — Тогда ты придешь домой вот к этому рагу и этому ворчуну (она кивнула на Джеймса), и мы вместе посмеемся над их глупостью. Но я почему-то думаю... я чувствую материнским сердцем... что эти мальчики не похожи на пустышек из школы.

Они поужинали в уютной тишине кухни, прерываемой лишь звоном ложек о тарелки и редкими репликами отца о погоде или политике. Здесь не было пафоса «Блэквуда», но была любовь — простая, безусловная и теплая.

Позже вечером Эви сидела в своей маленькой комнате под самой крышей и делала уроки при свете настольной лампы. Из окна дуло холодом октябрьской ночи. Она достала из кармана юбки визитную карточку Алекса Ван Кройца. Белый прямоугольник казался инородным телом в её простом мире: выцветшие обои в цветочек, старый письменный стол из ИКЕА (купленный с рук), стопка библиотечных книг по физике.

Она провела пальцем по тисненым буквам имени и фамилии. «Инвестиция в комфорт учебного процесса». Это звучало так... высокомерно и так заботливо одновременно.

Внизу скрипнула половица — родители проверяли, легла ли она спать. Эви улыбнулась и спрятала карточку под стопку тетрадей с конспектами по органической химии. Она не стала звонить курьеру сегодня. Но она знала одно: завтра она пойдет в школу с высоко поднятой головой не потому, что у неё есть дорогие вещи или богатые друзья, а потому что за её спиной стоит эта маленькая кухня с запахом жареного лука и два человека, которые любят её просто за то, что она есть. И этого у неё никто не сможет отнять — ни Виктория Леннокс со всей её злобой, ни даже трое самых красивых парней Англии вместе взятые.

Эвелин сидела на кухне, подперев подбородок ладонью, и наблюдала за матерью. Сара Харпер, вернувшаяся с ночной смены в больнице, не выглядела уставшей в привычном смысле этого слова. Она выглядела... светящейся. Словно внутри неё горела маленькая, но очень яркая лампочка, которую не могли погасить ни двенадцать часов на ногах, ни вид чужой боли.

Сара поставила на плиту турку с кофе — настоящий, свежемолотый, который они позволяли себе только по выходным. Запах поплыл по кухне, смешиваясь с ароматом свежего хлеба из пекарни за углом.

— Мам, тебе нужно поспать, — тихо сказала Эви. — Ты же с ног валишься.

Сара обернулась и улыбнулась той самой улыбкой, от которой у Эви всегда теплело на душе. В этой улыбке не было ни капли фальши или снисхождения. — Я посплю. Обязательно. Но сначала я хочу услышать всё. Про этих мальчиков. Про школу. Про то, почему ты сегодня пришла такая задумчивая.

Эви вздохнула и опустила глаза в чашку с чаем. — Это сложно, мам. Они... другие. Не такие, как все эти снобы из «Блэквуда». Но я всё равно чувствую себя самозванкой. Особенно рядом с Алексом.

Сара села напротив неё, пододвинув к дочери тарелку с тостами. — Расскажи мне про Алекса. Что в нём такого... пугающего?

Эви задумалась, подбирая слова. — Он как... как ледяная скульптура. Идеальный, холодный, безупречный. Он предложил мне новую спортивную форму. Просто так. Курьером.

Сара замерла, не донеся чашку до губ. — Ого. Это... щедро. Или это была подачка?

— Я не знаю! — Эви всплеснула руками. — В этом и проблема! В школе все решат, что я продалась за шмотки. А он... он смотрел на меня так, будто я какая-то диковинная бабочка под стеклом. Изучал.

Сара мягко накрыла руку дочери своей ладонью. — Послушай меня, родная. Я знаю таких людей, как этот Алекс. Я вижу их каждый день в больнице. Богатство может заморозить сердце похлеще любого льда. Но иногда... иногда под этой коркой скрывается человек, которому просто страшно быть живым по-настоящему.

Эви удивленно посмотрела на мать. — Ты думаешь, он боится?

— Уверена. Быть Ван Кройцем — это не привилегия, это клетка с золотыми прутьями. От тебя ждут определенного поведения, определенных поступков. Ты не можешь просто быть собой. Ты должен быть продолжением бренда семьи.

Эви молчала, переваривая услышанное. Она никогда не смотрела на это с такой стороны.

— А почему ты так думаешь? Ты же просто медсестра в терапии.

Сара рассмеялась тихим, грудным смехом. — Медсестра? Эви, я работаю в больнице уже пятнадцать лет. Я вижу людей в моменты их самой большой слабости и самой большой силы. Когда у миллионера случается инфаркт или когда его ребенок попадает в аварию, деньги не значат ничего. Они лежат на койке такие же голые и напуганные, как и все остальные.

Она сделала глоток кофе и посмотрела на дочь очень серьезно. — Я ценю свою работу не за зарплату или статус. Я ценю её за уроки человечности. За то, что она научила меня видеть суть вещей.

Эви вдруг поняла то, что всегда знала подсознательно: её мама была самым мудрым человеком в её жизни, мудрее всех профессоров «Блэквуда» вместе взятых. — Мам... а ты никогда не жалела? Ну... что мы небогатые? Что ты работаешь ночами?

Сара встала из-за стола, подошла к дочери и обняла её сзади за плечи, положив подбородок ей на макушку. — Никогда. Ни единой секунды. Знаешь, что самое дорогое в мире? Время и внимание. У нас может не быть денег на личного водителя или отдых на Мальдивах, но у нас есть друг для друга всё время мира.

Она отстранилась и заглянула Эви в глаза. — Твой отец работает руками до мозолей, чтобы ты могла учиться там, где учатся дети лордов и банкиров. А я... я работаю ночами не потому, что мы бедные. Я работаю ночами потому, что там я спасаю жизни. И когда я прихожу домой утром, уставшая до смерти, но зная, что сегодня кто-то не умер благодаря мне — я чувствую себя богаче всех Ван Кройцев на свете.

Сара выпрямилась и хитро прищурилась: — А теперь представь лицо Виктории Леннокс, если она узнает, что ты дружишь с её принцем не потому, что он богат, а потому что ты сама по себе — личность? Что ты умнее их всех вместе взятых? Что у тебя есть то, чего нет у неё — душа?

Эви почувствовала, как внутри неё разгорается огонек уверенности — тот самый огонек, который всегда зажигала в ней мать. — Она лопнет от злости.

— Вот именно! — Сара рассмеялась и снова обняла дочь. — Так что выбрось из головы мысли о самозванстве. Ты — Эвелин Харпер. Дочь механика и медсестры. И поверь мне, девочка моя: когда эти мальчишки узнают тебя настоящую так же хорошо, как знаю я... они потеряют голову окончательно.

Сара поцеловала дочь в лоб и встала: — А теперь я пойду спать. И ты тоже ложись пораньше. Завтра новый день в этом вашем серпентарии «Блэквуда». И я хочу знать все сплетни!

Оставшись одна на кухне, Эвелин долго смотрела на остывшую чашку чая. Слова матери эхом отдавались в голове: «У тебя есть то, чего нет у неё — душа». Впервые за всё время пребывания в элитной школе Эви почувствовала не страх или неуверенность, а тихую силу.

Она достала визитку Алекса из-под тетрадей и положила её на видное место — на холодильник, прикрепив магнитом в виде смешного котенка (подарок мамы на прошлое Рождество). Она не позвонила курьеру вчера вечером из гордости. Но сегодня она позвонит ему утром — из уважения к себе и к той невероятной женщине, которая научила её этому уважению.

Эвелин лежала в своей кровати, глядя в потолок. За окном завывал ветер, но в комнате было тепло и уютно. Визитка Алекса, прикрепленная к холодильнику магнитом-котенком, словно излучала слабое свечение, притягивая её взгляд даже отсюда. Разговор с мамой не просто успокоил её — он переключил её внутреннее состояние, как хирург перекраивает ткань.

Она всегда считала свою «простоту» недостатком. Одежда из секонд-хенда, отсутствие модного телефона, необходимость работать летом — всё это в стенах «Блэквуда» казалось ей клеймом. Она привыкла сжиматься, стараться быть незаметной, чтобы не привлекать внима-

ния к своему социальному статусу. Она была **объектом** наблюдения: над ней смеялись, её жалели или презирали.

Но слова Сары о том, что она — личность с душой и стержнем, заставили Эви взглянуть на ситуацию под другим углом. Это было похоже на физический закон: **эффeкт наблюдателя**. В квантовой механике сам факт наблюдения меняет поведение частицы. Что, если применить это к жизни?

«Я всю жизнь позволяла им смотреть на меня свысока», — думала Эви, переворачиваясь на бок и обнимая подушку. «Я принимала их правила игры. Я думала, что должна стать похожей на них, чтобы меня приняли».

Внезапно её осенило. А что, если... она не должна? Что, если её сила именно в том, что она — другая? Не ледяная скульптура, как Алекс, а живой человек. Не просто грудa мышц и тестостерона, как Себастьян, а человек с эмпатией. Не ходячий калькулятор, как Лео, а творец?

Эви резко села на кровати. Сердце колотилось не от страха, а от внезапного озарения. «Я — Эвелин Харпер. Я — дочь женщины, которая спасает жизни по ночам и готовит лучшее рагу в Лондоне. Я — внучка женщины, которая пережила войну и научила мою маму быть сильной. Я не самозванка. Я — это я».

Эта мысль была настолько простой и настолько мощной, что у неё перехватило дыхание. Она поняла: проблема была не в том, что она бедная. Проблема была в том, что она **стыдилась** этого и позволяла этому стыду управлять её поведением.

Она вспомнила взгляд Алекса. Он не смотрел на неё с жалостью к её старой форме. Он смотрел с **интересом**. Как ученый на неизученный феномен. Он видел в ней загадку. А Себастьян? Он заступился за неё не из жалости, а из чувства справедливости — это было в его природе бойца. А Лео... Лео увидел в её ошибке потенциал для новой теории.

Они все видели в ней то, чего она сама в себе не замечала.

Эви встала и подошла к окну. Ветер трепал ветки старого дерева во дворе. «Я больше не буду прятаться», — прошептала она своему отражению в темном стекле. «Я буду собой. Сильной, умной Эвелин Харпер».

На следующее утро Эвелин проснулась с совершенно другим настроением. Пока отец собирался на работу в гараж, а мама досыпала после ночной смены, Эви готовила себе завтрак. Она не суетилась, не спешила спрятаться в свою раковину.

В школу она надела ту же форму — да, немного поношенную, но идеально чистую и выглаженную. Но сегодня она несла её иначе. Её спина была прямой, подбородок поднят. Когда она вошла в ворота «Блэквуда», привычный шепоток за спиной («гранти», «посмотрите на её туфли») не заставил её опустить голову.

Она шла по коридору к своему шкафчику, когда дорогу ей преградила Виктория Леннокс со своей свитой. — О, смотрите-ка, кто идет! — пропела Виктория, картинно прижимая к груди свой дизайнерский рюкзак. — Наша Золушка вернулась с бала? Или ты всё ещё ждешь фею-крестную?

Эви остановилась прямо перед ней. Раньше она бы попыталась обойти их или пробормотать извинения. Но сегодня всё было иначе. Она посмотрела Виктории прямо в глаза и спокойно улыбнулась. — Доброе утро, Виктория. Прекрасное кашемировое пальто. Оно новое? Должно быть, стоит целое состояние.

Виктория опешила от такой наглости. — Что? Да... Да как ты смеешь... — Я просто хотела сделать комплимент твоему вкусу, — перебила её Эви всё с той же вежливой улыбкой. — В отличие от тебя, я знаю цену деньгам. Мои родители работают за каждый фунт. Твои, видимо, просто нажимают кнопку «печать» в банке.

Вокруг начали собираться зеваки. Виктория покраснела от ярости. — Ты... ты никто! Ты здесь на птичьих правах!

Эфи пожала плечами и достала из сумки учебник физики. — Возможно. Но я хотя бы знаю второй закон термодинамики и могу отличить серную кислоту от соляной без помощи ассистента по химии. А ты?

С этими словами она просто обошла застывшую Викторию и пошла дальше по коридору.

Внутри у неё всё дрожало от адреналина, но это было приятное чувство. Она только что нарушила главное правило выживания в «Блэквуде» — она дала отпор королеве улья публично и безжалостно.

Первым уроком была математика у мистера Фитцджеральда (отца Лео), но Эви знала расписание троички: сейчас у них окно перед биологией в другом крыле здания. Она свернула за угол и увидела их у окна. Себастьян подпирал стену, играя желваками и глядя в телефон (вероятно, читал новости спорта). Алекс стоял рядом с ним абсолютно неподвижно, словно статуя самому себе. А Лео нервно ходил туда-сюда, бормоча что-то себе под нос и размахивая руками так, будто решал уравнение прямо в воздухе.

Заметив Эви, все трое замерли. Себастьян удивленно приподнял бровь: он явно не ожидал увидеть её здесь так рано и без сопровождения толпы хихикающих девиц. Алекс медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по её лицу, фигуре... и остановился на глазах. В его холодных серых глазах промелькнуло что-то похожее на одобрение или узнавание. Лео же просто замер с открытым ртом и выпученными глазами за стеклами очков.

Эви подошла к ним вплотную и остановилась. — Привет, — сказала она просто.

Себастьян хмыкнул: — Привет. Слышал краем уха шум в восточном крыле. Это ты так... общалась с Викторией?

Эви усмехнулась уголком губ: — Можно и так сказать. Я просто объяснила ей разницу между активами и интеллектом.

Алекс едва заметно улыбнулся — это было похоже на трещину во льду: — Интригующе звучит.

Лео наконец пришел в себя: — Ты... ты потрясающая! То есть... я хотел сказать... это было смело! Очень смело! Я бы так не смог!

Эви посмотрела на них по очереди: на мощного Себастьяна, на гениального Лео и на безупречного Алекса. Она больше не чувствовала себя ниже их или недостойной их внимания. Она поняла главное: они были интересны ей именно потому, что они были разными частями одного сложного механизма под названием «мир». И теперь она сама становилась частью этого механизма не как деталь-заменитель, а как уникальный элемент со своим собственным кодом доступа.

— Нам пора идти? — спросила она спокойно.

Себастьян оттолкнулся от стены: — Да уж, биология ждет. Надеюсь, миссис Хиггинс сегодня не будет спрашивать про митохондрии.

Алекс протянул руку и легким движением поправил воротничок формы Эви (тот самый воротничок). — Ты хорошо выглядишь сегодня, Эвелин Харпер, — тихо произнес он.

И в этот момент Эви окончательно поняла: разговор с мамой изменил не только её самоощущение. Он изменил правила игры для всех них.

История о том, как Эвелин Харпер получила свой грант, была не просто историей об успехе. Это была сага о титаническом труде, слезах и железной воле, о которой в «Блэквуде» никто не догадывался.

Это началось два года назад, в душном классе государственной школы на окраине Лондона. Эви тогда только-только начала блистать на олимпиадах по физике и математике. Учительница, миссис Пател, отвела её в сторону после уроков. — Эвелин, у тебя потенциал. Огромный. Но здесь ты его растеряешь. Твоя среда... она не для таких, как ты.

Слово «грант» прозвучало как сказка. Но путь к нему оказался дорогой через ад.

Эви помнила это так же ясно, как таблицу Менделеева. Она не просто учила предметы — она их *пожирала*. Пока её сверстницы смотрели сериалы или ходили на свидания, Эви сидела в библиотеке до закрытия. Она спала по четыре часа в сутки, потому что каждый час бодрствования был на вес золота. Её пальцы сводило судорогой от бесконечного писания эссе на тему «Мои жизненные цели и вклад в развитие науки».

Но самым страшным испытанием стало собеседование.

Она помнила этот день до мельчайших деталей. Огромный кабинет директора «Блэквуда», отделанный темным деревом. Запах дорогой кожи и старых книг. За длинным столом из красного дерева сидели пятеро: три надменные дамы в жемчугах, седовласый профессор и сам директор, мистер Торнтон, похожий на старого ворона.

Эви была одета в свой единственный «парадный» наряд — юбку, которую мама сшила ей из старого платья, и блузку, купленную на распродаже. — Итак, мисс Харпер, — проскрипел директор, глядя на неё поверх очков. — Вы хотите учиться в «Блэквуде». Вы понимаете, что это не просто школа? Это семья. Традиции. Здесь учились премьер-министры, нобелевские лауреаты, капитаны индустрии.

— Я понимаю, сэр, — её голос тогда не дрогнул, хотя внутри всё сжималось от страха. — Ваш отец — механик. Ваша мать — медсестра. Вы осознаете разницу в культурном коде? В быту? Вы привыкли к... другому уровню жизни.

Это был завуалированный вопрос: «Ты понимаешь, что ты здесь чужая?».

И тогда Эви сделала то, что изменило всё. Она посмотрела прямо в глаза директору Торнтону и сказала: — Сэр, я понимаю разницу. Я вижу её каждый день. Я вижу её в том, что мой отец чинит машины руками, чтобы у других людей была возможность на них ездить в такие школы, как ваша. Я вижу её в том, что моя мать спасает жизни людей в три часа ночи, пока другие спят на шелковых простынях.

Она сделала паузу, обеда взглядом комиссию. — Разница в культурном коде? Мой культурный код — это уважение к труду и ценность знаний ради знаний, а не ради статуса. Если вы боитесь, что я не впишусь в ваше общество снобов... возможно, это проблема вашего общества, а не моя.

В кабинете повисла гробовая тишина. Эви думала, что её сейчас выгонят. Но седовласый профессор улыбнулся в усы. Одна из дам в жемчугах кивнула. Мистер Торнтон снял очки и протер их. — Вы приняты, мисс Харпер. Ваш грант покрывает сто процентов обучения и проживания. Добро пожаловать в семью.

Сейчас, идя по коридорам «Блэквуда», Эви часто вспоминала тот разговор. Она смотрела на отполированные до блеска полы, на портреты основателей школы в тяжелых рамах и понимала: она здесь не гостья. Она — завоеватель.

Грант не был подарком. Это был контракт. Контракт между ней и её семьей против всего этого чопорного мира.

— Ты опять зависла? — голос Себастьяна вырвал её из размышлений. Они сидели в библиотеке после уроков. Лео с головой ушел в какой-то древний фолиант по квантовой физике (на французском языке!), а Алекс лениво перелистывал страницы экономического вестника, делая вид, что ему скучно.

— Просто думаю о школе, — честно ответила Эви. — О чем тут думать? — Себастьян пожал плечами. — Это просто здание из камня и пафоса.

Эви покачала головой: — Нет. Для меня это не просто здание. Каждый раз, когда Виктория Леннокс смотрит на меня как на грязь под ногтями... я вспоминаю лицо моей мамы в ту ночь, когда я получила письмо о зачислении. Она плакала от счастья. А отец... он молча пожал мне руку так крепко, что чуть кости не сломал.

Лео оторвался от книги: — Твои родители... они должны быть невероятно горды.

Алекс медленно опустил журнал и посмотрел на неё своим фирменным тяжелым взглядом: — Они знают о нас? О том, что происходит?

Эви смутилась от прямого вопроса Алекса. — О чем именно? О том, что вы трое вдруг решили стать моими друзьями? Или о том, что я не знаю, кого из вас выбрать?

В библиотеке повисла тишина. Лео покраснел и уткнулся обратно в книгу. Себастьян нахмурился и сжал кулаки так, что костяшки побелели. Алекс же продолжал смотреть на неё в упор: — Они знают цену твоего обучения?

Эвелин выпрямилась. В её глазах вспыхнул опасный огонек — тот самый огонек внутренней силы, который она унаследовала от отца-механика и матери-медсестры. — Они знают всё. Они знают цену каждого пенни этого гранта. Знают, сколько бессонных ночей я провела за учебниками. И знаешь что? Им плевать на ваши фамилии и банковские счета. Они научили меня главному: достоинство нельзя купить или продать.

Она встала из-за стола, собирая свои вещи. — Я ценю вашу дружбу... или что бы это ни было. Но если вы думаете, что я буду выбирать между вами как приз в лотерее для богатых мальчиков... вы ошибаетесь.

Она направилась к выходу из библиотеки, но у двери остановилась и обернулась: — Мой грант — это не подачка от добрых дядей из попечительского совета. Это моя победа над обстоятельствами. И я никому не позволю обесценить её или меня саму.

Она вышла в коридор, оставив троих самых влиятельных парней школы сидеть в оглушительной тишине. Себастьян первым нарушил молчание: — Черт возьми... Она только что поставила нас всех на место.

Лео снял очки и протер их краем свитера: — Она невероятная.

Алекс медленно улыбнулся — той самой редкой улыбкой, которая делала его похожим не на наследника империи, а на хищника перед прыжком: — Именно поэтому она нам и нужна. Она единственная здесь с настоящей историей. С кровью и потом за плечами. Он посмотрел на друзей: — Мы играем по-крупному, джентльмены. И ставки только что выросли.

Утро выдалось промозглым. Лондонское небо, затянутое серой пеленой, казалось, давило на плечи, и без того отягощенные тяжелым рюкзаком. Эвелин Харпер стояла перед коваными воротами школы «Блэквуд», чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Это был не просто страх перед новым местом. Это был первобытный ужас существа, попавшего на чужую, враждебную территорию.

Она поправила воротник своей школьной формы. Форма была не новой. Мама купила её в секонд-хенде, а потом несколько ночей ушло на то, чтобы идеально подогнать её по фигуре Эви. Ткань была качественной, но выцветшей, а на юбке едва заметными оставались следы от спортивного логотипа другой школы. Эви знала, что это не идёт ни в какое сравнение с безупречно скроенными пиджаками из шерсти мериноса и юбками из бутиков с Сэвил-Роу, которые носили другие ученицы.

В руках у неё был простой пластиковый контейнер с обедом (бутерброды с сыром и яблоко) и старенький, но надежный смартфон — единственная уступка современности, которую они могли себе позволить. У всех вокруг в руках поблескивали последние модели айфонов в чехлах из натуральной кожи.

Эви глубоко вдохнула и шагнула на территорию школы.

Атмосфера внутри была удушающей. Воздух пах дорогим парфюмом, полиролью для дерева и едва уловимым ароматом превосходства. Девочки сбивались в стайки, их смех звенел как хрусталь — звонко, холодно и недостижимо. Они оценивающе скользили взглядами по новенькой, и Эви физически ощущала, как эти взгляды сканируют её обувь (купленную на распродаже), её сумку (сшитую мамой) и отсутствие на запястье дорогих часов.

— Смотрите, кто это? — раздался высокий, мелодичный голос, от которого у Эви похолодело внутри. — Это что, винтаж? Как мило.

Эви узнала её мгновенно. Виктория Леннокс. «Королева школы». Дочь медиа-магната, с волосами цвета спелой пшеницы и глазами цвета зимнего льда. Она стояла в окружении своей свиты — трех безупречно одетых девушек, которые смотрели на мир так, будто им все должны.

— Я думаю, это секонд-хенд, Викки, — хихикнула одна из них, блондинка с надутыми губами. — Нет-нет, — протянула Виктория, делая шаг к Эви. Она обошла её по кругу, словно оценщик в ломбарде. — Это называется «грант-стайл». Когда денег нет совсем, но очень хочется казаться приличным человеком.

Свита взорвалась смехом. Эви сжала лямку рюкзака так сильно, что костяшки пальцев побелели. Она чувствовала, как к щекам приливает жар унижения. — Оставь её, Викки, — лениво бросил проходивший мимо парень из выпускного класса. — Она даже не стоит твоего времени.

— Ошибаешься, — Виктория прищурилась и ткнула наманикюренным пальцем в контейнер для еды в руках Эви. — Что это у нас тут? Ты принесла еду из дома? Как... по-пролетарски. В «Блэквуде» не принято есть то, что готовили чьи-то кухарки из низшего класса.

Эви инстинктивно прижала контейнер к груди. — Это моя мама готовила.

Слова прозвучали тихо, но в наступившей тишине их услышали все. — Мама? — Виктория картинно прижала руку к сердцу. — Как трогательно! Девочки, вы слышали? У неё есть мама! А я думала, таких детей находят в капусте... или выдают вместе с социальными пособиями.

Новый взрыв смеха был громче прежнего. Кто-то из толпы крикнул: — Гранти! Гранти пришла!

Кличка прилепилась мгновенно. Слово «грант» (grant) превратилось в клеймо, в позорное тавро. — Посмотрите на её телефон! — не унималась Виктория. — Это же музейный экспонат! Ты что, ограбила бабушку?

Эви почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы обиды и гнева. Она не хотела плакать. Не здесь. Не перед ними. Она развернулась на каблуках и быстрым шагом направилась в сторону столовой, пытаясь скрыться от насмешек.

Столовая «Блэквуда» напоминала декорации к фильму о жизни аристократии: высокие потолки с лепниной, огромные окна с видом на сад и длинные дубовые столы. За центральным столом («королевским») сидела Виктория со своей свитой. За другими столами расположились представители элиты — дети банкиров, политиков, знаменитостей.

Для Эвелин места не было.

Она прошла в дальний угол зала, где стояли столы для тех, кто не принадлежал ни к одной «стае». Она выбрала самый крайний столик у окна и села спиной к залу, надеясь стать невидимой. Она открыла контейнер и уставилась на свой бутерброд так, будто это был самый сложный механизм во вселенной.

Но тишина была недолгой. — Эй! Гранти! — голос Виктории разнесся по залу звонким эхом. Все головы повернулись в сторону Эви. — Ты неправильно сидишь! За этим столом едят только те, у кого прадедушка был как минимум лордом!

Свита снова захихикала. — И убери эту гадость! От запаха дешевого сыра у меня начинается мигрень!

Эви продолжала молчать, глядя в окно на мокрый газон. Она чувствовала себя абсолютно одинокой. Вокруг были сотни людей, но между ней и ними стояла стена толщиной в милю — стена из денег и предрассудков.

Внезапно над её столом нависла тень. — Проблемы? — голос был низким, спокойным и абсолютно лишенным эмоций.

Эви подняла голову. Перед ней стоял Александр Ван Кройц. Наследник банковской империи. Он смотрел не на неё, а на Викторию через весь зал. Его взгляд был холодным и оценивающим, как у хищника, заметившего добычу.

Виктория осеклась на полуслове. Её улыбка сползла с лица. — Алекс... мы просто шутим.

— Я вижу, как вы шутите над едой мисс Харпер, — его голос стал еще тише и оттого звучал еще более угрожающе. — Это выглядит... негигиенично. И недостойно леди из «Блэквуда».

Он перевел взгляд на Эви впервые за весь разговор. В его серых глазах не было ни сочувствия, ни интереса — лишь легкая брезгливость пополам со скукой. — Ешь свой обед, Эвелин. И не обращай внимания на шум.

Он развернулся и пошел к своему столу в центре зала, где уже сидели Себастьян Кросс и Лео Фитцджеральд.

Виктория выглядела так, будто её ударили хлыстом. Она метнула на Эвелин взгляд, полный такой концентрированной ненависти, что им можно было бы плавить сталь.

Эви осталась одна за своим столом. В руке она все еще сжимала надкушенный бутерброд. Александр Ван Кройц только что заступился за неё перед всей школой... но сделал это так высокомерно и холодно, что она почувствовала себя не спасенной принцессой, а грязной вещью, которую он просто пожалел выбросить в урну.

Она посмотрела на троицу за центральным столом: атлетичный Себастьян о чем-то спорил с Лео (тот поправлял очки трясущимися пальцами), а Алекс сидел во главе стола с видом римского императора.

«Я здесь чужая», — подумала Эви, отодвигая контейнер с едой. «И этот обед я запомню надолго».

Решение Эвелин забиться в самый дальний угол столовой не было продиктовано страхом в чистом виде. Страх, безусловно, присутствовал — липкий, холодный комок в животе, который сжимался каждый раз, когда Виктория Леннокс открывала рот. Но за этим страхом стояла холодная, выверенная логика. Эви не бежала — она **тактически отступала**.

Она выросла в рабочем пригороде, где умение слиться с толпой или, наоборот, занять выгодную позицию было вопросом не только комфорта, но и безопасности. В школе «Блэквуд» этот навык трансформировался в искусство быть невидимой.

Сидя спиной к залу, она решала сразу несколько задач:

Контроль зоны. Эви всегда садилась так, чтобы видеть вход и большую часть помещения через отражение в темном оконном стекле. Это позволяло ей заранее заметить приближение угрозы (Виктории и её свиты) и подготовиться морально. Она не хотела, чтобы её застали врасплох.

В дальнем углу она занимала меньше всего места в социальном пространстве. Она не сидела на проходе, не занимала «хорошие» столы у окна с видом на сад (которые были зарезервированы для элиты). Она была как можно дальше от эпицентра событий — центрального стола. Чем меньше она мелькала в поле зрения «королевы», тем меньше поводов для насмешек та могла найти.

Это было самое главное. Если бы она села за один из полупустых столов в середине зала, она бы выглядела как брошенная, одинокая неудачница. Сидя в углу, она создавала иллюзию собственного выбора. «Я здесь не потому, что меня прогнали, а потому что *я так хочу*». Это была тонкая психологическая защита, хрупкая стена из самообмана, которая не давала ей окончательно сломаться.

Еда в контейнере была ещё одним элементом этой стратегии. Эви знала: если она пойдет в очередь за школьной едой (которая здесь стоила целое состояние), она станет идеальной мишенью. Её будут толкать, обсуждать её одежду, а Виктория обязательно прокомментирует её «бюджетный» выбор. «Мама собрала мне обед» — это было её личное знамя. Да, над ним смеялись, но это было её право — есть то, что приготовлено с любовью дома, а не эту пластиковую пародию на высокую кухню. Это был её маленький бунт.

Поэтому, когда Виктория начала свою публичную экзекуцию, Эви не убежала в слезах. Она просто активировала свой «режим невидимки». Она опустила голову ниже, расправила плечи (внутренняя сила не позволяла ей сутулиться) и сосредоточилась на отражении в стекле.

Она видела всё: как Виктория картинно закатила глаза, как её свита подобострастно захихикала, как парни за соседним столом лениво повернули головы, чтобы посмотреть на бесплатное шоу. И она видела Алекса.

Он не смеялся. Он наблюдал. И его взгляд был... неприятным. Не злым, а именно неприятным — как у энтомолога, который рассматривает редкого жука через лупу. Он не видел в ней человека. Он видел интересный социальный феномен: девочку из низов, посмевшую явиться в их храм.

Когда он подошел и своим ледяным тоном заткнул Викторию, Эви испытала двойственное чувство. С одной стороны — огромное облегчение. Атака прекратилась. С другой — унижение стало ещё глубже. Он защитил её не из симпатии или чувства справедливости. Он сделал это походя, как дворецкий отгоняет надоедливую муху от парадного стола. Его слова «Ешь свой обед» прозвучали как приказ слуге.

«Спасибо, хозяин», — с горечью подумала Эви, когда он уходил к своему столу. Она чувствовала себя вещью. Сначала Виктория пыталась выставить её на посмешище как нищенку, а теперь Алекс утвердил её статус как чего-то низшего, чего-то, что нужно просто игнорировать или изредка использовать.

Эви посмотрела на свой бутерброд с сыром. Аппетит пропал окончательно. — Я не буду здесь есть, — прошептала она своему отражению в стекле.

Она аккуратно закрыла контейнер и встала. Её решение поесть одной было временным убежищем, но теперь оно превратилось в клетку. Она поняла: прятаться вечно нельзя. Виктория всё равно будет искать её, чтобы укусить побольнее, а Алекс... Алекс просто забудет о ней через пять минут после того, как доест свой стейк из мраморной говядины.

Эви подхватила рюкзак и контейнер. — Эй! Гранти! Ты куда? А как же твой вонючий сыр? — крикнула Виктория ей вслед.

Эви не обернулась. Она шла к выходу из столовой с прямой спиной и каменным лицом. Решение было принято мгновенно. Она не пойдет на следующий урок. Она пойдет в библиотеку. Там тихо, там книги и там нет людей. Там она сможет хотя бы час побыть просто Эвелин Харпер — умной девочкой с окраины, а не «гранти», не мишенью и не диковинным жуком под стеклом.

Проходя мимо центрального стола, она невольно замедлила шаг. Троица прервала свой разговор и смотрела на неё. Себастьян смотрел с легким любопытством (он любил драки и конфликты), Лео — с сочувствием (он понимал, каково это — быть не таким, как все), а Алекс... Алекс просто скользнул по ней взглядом и вернулся к своему разговору.

Эви вышла из столовой и плотно прикрыла за собой дверь. «Я справлюсь», — сказала она себе твердо. — «Я должна».

Эвелин не чувствовала голода. В её желудке ворочался холодный, скользкий комочек унижения, который был тяжелее любого обеда. Она шла по коридору, механически переставляя ноги, и прижимала к груди пластиковый контейнер с нетронутым бутербродом так, будто это был её единственный щит.

Защита Алекса. Это слово эхом отдавалось в её голове, но не приносило облегчения. Напротив, оно жгло изнутри калёным железом.

Когда Александр Ван Кройц подошёл к её столу, Эви испытала мгновенный, животный прилив благодарности. Это было похоже на то, как если бы ты тонула в ледяной воде, и чья-то сильная рука вдруг схватила тебя за шиворот. Момент чистого, незамутнённого спасения. Виктория Леннокс, эта ядовитая кобра, мгновенно потеряла весь свой яд и превратилась в

нашкодившую школьницу. Власть Алекса была абсолютной и неоспоримой. Он не повысил голос, но его тихий, властный тон заставил весь шумный зал столовой притихнуть.

Но эта благодарность длилась ровно секунду. Ровно до того момента, как Эви подняла на него глаза и встретила его взгляд.

В его серых, холодных глазах не было ни капли сочувствия к ней. Там не было гнева на Викторию за её жестокость. Там было лишь... раздражение. Раздражение от того, что кто-то посмел нарушить его покой и порядок своим «негигиеничным» поведением. Он смотрел на неё так, как смотрят на грязное пятно на идеально чистом паркете. Не с ненавистью — с брезгливостью.

И его слова... «Ешь свой обед». Это был не приказ защитника. Это был приказ хозяина своей вещи. Как будто он сказал: «Сидеть» или «Место».

Именно в этот момент благодарность Эви трансформировалась в нечто иное — в острое, жгучее чувство собственного унижения. Если Виктория унизила её публично, обозвав и высмеяв, то Алекс унизил её по-другому. Он подтвердил её статус. Он поставил жирную точку в споре Виктории. Он сказал всем: «Да, она нищая. Да, она здесь по гранту. Но она *моя* нищая. Я позволяю ей здесь находиться, пока она сидит тихо и ест свой дешёвый сыр в углу».

Он не спас её. Он просто перевёл её из статуса «мишень для насмешек» в статус «игрушка под защитой», о которой можно забыть через минуту.

Эви резко остановилась посреди коридора. Она больше не могла этого выносить. Запах школьной еды (дорогой, изысканной еды, которую она никогда не сможет себе позволить) смешивался с запахом её собственного дешёвого обеда, и от этого сочетания её начало подташнивать.

Она должна уйти. Немедленно.

Решение пришло спонтанно, но оно было единственно верным. Остаться — значит принять эту унижительную «защиту». Остаться — значит быть экспонатом в этом зоопарке для богатых детишек. Она не могла есть под их взглядами. Физически не могла проглотить ни кусочка.

— Эй! Гранты! Ты куда? А как же твой вонючий сыр? — крик Виктории догнал её словно удар хлыста.

Эви вздрогнула, но не обернулась. Она лишь крепче сжала контейнер и ускорила шаг. В ней поднималась волна глухой ярости. Ярости на Викторию за её злобу, на Алекса за его высокомерное снисхождение и на саму себя за то, что позволила себе надеяться на что-то другое.

Она свернула за угол и почти бегом направилась к лестнице, ведущей наверх, в библиотеку. Там было тихо. Там пахло старыми книгами и деревом, а не дорогим парфюмом и фальшью. Там никто не знал о грантах и банковских счетах.

Забежав в спасительную тишину библиотечного зала, Эви привалилась спиной к стеллажу с классической литературой и наконец-то выдохнула. Её трясло.

«Я справлюсь», — прошептала она сама себе, глядя на свои побелевшие от напряжения костяшки пальцев, сжимающие пластиковый контейнер. — «Я справлюсь без их подачек и их защиты».

Голод отступил перед более сильным чувством — чувством собственного достоинства, которое только что чуть не растоптали. Она найдет способ выжить здесь сама. На своих условиях.

Эви медленно разжала пальцы. Контейнер с глухим стуком упал на мягкий ковер библиотеки. Она посмотрела на него с минуту, а затем решительно перешагнула и пошла вглубь зала, туда, где стояли тяжелые тома по квантовой физике. Ей нужно было отвлечься. И у неё был идеальный способ это сделать.

Александр Ван Кройц не любил беспорядок. В его мире, где каждый шаг был просчитан на десять лет вперед, а каждое слово имело вес в миллионы фунтов, хаос был недопустим.

Поведение Виктории Леннокс в столовой было не просто актом подростковой жестокости — это был **беспорядок**. Непрофессионально. Вульгарно. И, что самое главное, это привлекало ненужное внимание к его столу.

Он наблюдал за этой сценой с холодным, отстраненным интересом энтомолога, изучающего редкий вид агрессивной мошки. Он видел, как Эвелин Харпер сжалась, как её пальцы побелели, сжимая дешевый пластик контейнера. Он видел торжествующую ухмылку Виктории. И он видел, как эта сцена начинает вызывать шепот и косые взгляды по всему залу.

Это было недопустимо.

Алекс отложил серебряную вилку. Звук металла о фарфор прозвучал в наступившей тишине оглушительно громко. Себастьян, который до этого с увлечением рассказывал о новой тактике на поле, осекся на полуслове. Лео, погруженный в расчеты на планшете, поднял голову и непонимающе моргнул.

— Что? — спросил Себастьян. — Ничего, — ровным голосом ответил Алекс. — Просто шум.

Он встал из-за стола. Его движение было плавным, но в нем чувствовалась скрытая мощь сжатой пружины. Он не торопился. Он прошел через зал, и толпа перед ним расступалась сама собой, словно вода перед носом ледокола. Виктория заметила его приближение слишком поздно. Её улыбка начала медленно сползать с лица, когда она поняла, что к ней идет не спаситель, а судья.

Алекс остановился у стола Эви. Он не смотрел на неё. Его взгляд был прикован к Виктории через весь зал. — Виктория, — его голос был тихим, но акустика столовой донесла каждое слово до всех присутствующих. — Твоя манера вести светскую беседу оставляет желать лучшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.